

Град покинутый и град обретенный. Судьбы преподобного Сергия Радонежского и других Отцов Русской церкви

Киреева Ольга Викторовна

Государственная полярная академия (Санкт-Петербург)
Ассистент кафедры регионоведения и социально-гуманитарных дисциплин
Кандидат культурологии
gpa-olgakireeva@mail.ru

РЕФЕРАТ

Статья посвящена генезису монашества в Древней Руси как наиболее ранней форме дезурбанизации в русской культуре. Анализируются причины отказа от мирской жизни, создание монастырей по образу «града небесного» и причины возвращения старцев в город «грешный», рассматриваются формы монашества, судьбы отшельников и монахов по дошедшим до наших дней источникам.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

культура Древней Руси, монашество, отшельничество, отцы церкви, история Русской церкви, Сергий Радонежский, городская культура, дезурбанизация в культуре

Kireeva O. V.

The Abandoned City and the City Rediscovered. The Fate of St. Sergius of Radonezh and Other Fathers of the Russian Church

Kireeva Olga Viktorovna

State Polar Academy (Saint-Petersburg, Russian Federation)
Assistant of the Chair of Regional Studies and Social and Humanitarian Disciplines
PhD in Culturology
gpa-olgakireeva@mail.ru

ABSTRACT

The article is devoted to the Genesis of monasticism in Ancient Russia as the earliest form of deurbanization in Russian culture. The reasons of the rejection of mundane life, the creation of monasteries according to the image of the "heavenly city" and causes the return of the monks to the city "sinful" are analysed, the forms of monasticism, the fate of the hermits and monks in extant sources are considered.

KEYWORDS

the culture of Ancient Russia, monasticism, the hermit, the Church fathers, history of the Russian Church, St. Sergius of Radonezh, urban culture, deurbanization in culture.

Отказ от материальных и духовных ценностей городской культуры (мы называем это явление *дезурбанизацией в культуре* — *О.К.*) прослеживается в русской истории, начиная с древности. Человек — дитя природы, и в отрыве от ее лона чувствует себя неполноценно. Появились города, появилось и неприятие их как чуждого природе явления. И одной из древних форм дезурбанизации в русской культуре назовем монашество и отшельничество.

Причины отказа от мирской жизни в городе у каждого свои. Это, к примеру, семейные/индивидуальные трудности как уход из общества с целью решения внутренних вопросов. Так, религиозный мыслитель Е. Н. Трубецкой пишет, что для духовного «пробуждения» нужны страдания и бедствия, которые разрушают иллюзию достигнутого смысла [9, с. 80]. Это и отказ от ценностей городской культуры

Н. К. Рерих. Святой Сергий. 1922

как самобичевание во имя искупления тяжелого греха, это и принудительный постриг. С древности изгнание из племени считалось самым страшным наказанием, а самостоятельный выбор такого жизненного пути, как отшельничество, требовал большого мужества и душевной силы.

Обоснование отречения от мирской жизни мы находим в словах Священного Писания, цитируемого в «Житии Феодосия Печерского»: «Вот я, владыка, и дети, которых воспитал я духовной твоею пищей; и вот они, господи, ученики мои, привел я их к тебе, научив презреть все мирское и возлюбить одного тебя, бога и господина» [3, с. 281]. И еще: «Если кто не оставит отца или мать и не последует за мной, то он меня недостоин»; «Придите ко мне, все страдающие и обремененные, и я успокою вас. Возложите бремя мое на себя, и научитесь у меня кротости и смирению, и обретете покой душам вашим» [Указ. соч., с. 285].

То есть смысл любого подвижничества, в том числе и отшельничества, как понимали его в Древней Руси, — в обретении покоя души. Сам Феодосий Печерский, согласно его «Житию», так говорит о своем предназначении блаженному Антонию: «Знай, честной отец, что сам Бог, все предвидящий, привел меня к святости твоей и велит спасти меня, а потому, что повелишь мне исполнить — исполню» [Указ. соч., с. 286]. Антоний же так ему отвечал: «Благословен Бог, укрепивший тебя, чадо, на этот подвиг. Вот твое место, оставайся здесь!» Таким образом, в восприятии религиозных людей Руси отказ от мирской жизни, победа духовных ценностей над земными благами есть пример подвига, и тем он выше, чем хуже условия существования, на которые подвижник себя обрекает, посвятив себя Богу. Напомним, что иночество Феодосия и Антония началось с жизни в пещере. Мать Феодосия, поначалу противившаяся судьбе сына, следуя его наставлениям, и «как уж Бог повелел», и сама приняла постриг.

Интересна также и мотивация других иноков, присоединившихся к Феодосию и Антонию. Сын боярина, нареченный впоследствии Варлаамом, часто приходил к преподобным, «наслаждаясь медоточивыми речами, истекавшими из уст отцов тех, и полюбил их, и захотел жить с ними, отринув все мирское, славу и богатство ни во что не ставя. Ибо дошло до слуха его слово господне, вещающее: «Легче верблюду пройти сквозь игольное ушко, нежели богатому войти в царство небесное» [Указ. соч., с. 289].

Так в представлении верующих людей Древней Руси совместно с рождением городской культуры, несущей с собой увеличение пропасти между богатыми и бедными, появлялось и презрение к богатству, а вместе с ним и к другим атрибутам городской жизни. «Господь делает нищим и обогащает, унижает и возвышает, из праха подымлет он нищего и из брения возвышает убогого... чтобы посадить его с сильными среди людей и престол славы в наследие дать ему» [5, с. 343]. В «Житии» упоминается также скопец из княжеского дома, ставший черноризцем и нареченный Ефремом. Интересен факт существования скопцов на Руси уже через полвека после крещения. Встречается на страницах «Жития» еще один чернец боярского происхождения из монастыря святого Мины, выбравший для своего уединения остров, встретившийся ему на пути из пещеры Феодосия в Константинополь.

История выдвигает и другие имена бояр, принявших постриг. Таковыми, например, явились Иван Васильевич Шереметьев и Иван Иванович Хабаров, которых по приказу Ивана Грозного в 1564 г. насильно постригли в монахи в Кирилло-Белозерском монастыре. По историческим свидетельствам Шереметьев и в монастыре оставался влиятельным человеком, а на его средства фактически содержался монастырь [7, с. 345].

«Как же будет с апостольским словом: “нет ли эллина, ни скифа, ни раба, ни свободного, все едины во Христе?” Как же они едины, если боярин — по-старому боярин, а холоп — по-старому холоп?» [Указ. соч., с. 365]. В 1573 г. Шереметьев был казнен, невзирая на иноческий сан. Таким образом, монастырские стены далеко не всегда стирали социальные различия между иноками, а зачастую внутреннее устройство монашеского быта было отражением иерархии, присущей городской культуре.

Ефрема-скопца впоследствии поставили митрополитом в городе Переяславле. Таким образом, совершился круговорот, он вернулся (правда, в новом статусе) к тому, от чего уходил: к городской жизни, мирским благам, власти и преп. Варлаама, сына боярина, избрали игуменом монастыря святого мученика Дмитрия. В Киево-Печерском патерике упоминается, что более 50 черноризцев Печерского монастыря, которые были удостоены руководящей должности (сана епископа или игумена) в том или ином городе или монастыре. Причем, как мы видим в источниках, распределением должностей занимались люди, не имеющие духовного сана и являющиеся скорее воплощением суетности мира: князя, их жены, посадники. Это свойство городской культуры: порождать в людях зависимость от себя, вводить в искушение, соблазнять успехом, перспективой, которые не всегда и не для всех оправданы. Протекция, продвижение, выслуга, карьера — понятия, на первый взгляд, не совместимые с монашеским чином, однако имевшие место уже на заре формирования монашества. Напрашивается вопрос: так ли глубока пропасть между миром городской и отшельнической культуры, между мирским и духовным. Художественные примеры корыстного отношения к религиозному сану можно найти также в романе Л. Н. Толстого «Отец Сергий», романе Стендаля «Красное и черное» и др.

Монашеский чин на смертном одре традиционно принимали многие древнерусские князья и цари. Так, Александр Невский накануне смерти «оставил царство земное и стал монахом, ибо имел безмерное желание принять ангельский образ»

[6, с. 208], приняли монашество Петр и Феврония Муромские. В своем «Послании в Кирилло-Белозерский монастырь» Иван Грозный также высказывал желание отречься от мирского: «если Бог даст мне постричься в благоприятное время и здоровым, совершу это ... в этой пречестной обители пречистой Богородицы... И кажется мне, окаянному, что наполовину я уже чернец» [7, с. 358].

Уход из города, из сферы его влияния, как из любого другого сообщества, невозможен там, где есть двое или более людей. Все, что было достоянием природы, от прикосновения человеческой руки и разума становится достоянием человека, антропогенной средой. Знания неизбежно транслируются внутри сообщества. Иван Грозный, ссылаясь на Евангелие, пишет: «Трудно не поддаваться соблазнам; горе тому человеку, через которого соблазн приходит! Одно дело — жить одному, а другое дело — в общем житии» [Указ. соч., с. 361].

Достойна внимания также и церемония посвящения в монахи и прощания с мирским. Блаженный Феодосий «не сразу... постригал, а давал ему (претенденту в монахи — О. К.) пожить, не снимая мирской одежды, пока не привыкал тот к уставу монастырскому, и только после этого облакал его в монашеское одеяние; и также испытывал его во всех службах, и лишь после этого постригал и облачал в мантию: когда станет тот искушенным чернецом, безупречным в житии своем, тогда и удостоится принятия монашеского чина» [3, с. 295].

К качествам, характеризующим людей монашеского сана, нужно отнести прежде всего смелость, силу воли и силу духа: для самого пострига и отказа и от мирских удовольствий и благ, а также для борьбы с искушениями. Как образно описываются испытания, посылаемые инокам после пострига! Это и бесы, извергающие пламя (Феодосий Печерский, Иоанн Затворник), и бесы, вселяющиеся в женщин, побуждающие на греховную связь (Моисей Угрин), и даже бесы в образе ангела, сбивающие с толку неправильным толкованием писания (Никита Затворник), и др. «Блаженны, вы, — говорится, — когда порицают вас, когда поносят вас словом грубым, клеветца на вас за приверженность ко мне. Возрадуйтесь и возвеселитесь в тот день, ибо ждет вас за это награда великая на небесах» [Указ. соч., с. 301].

Но как высшая милость инокам, твердым в своей вере, открывается тайное знание, дар исцеления, предвидения и т. д. «Свет инокам — ангелы, свет мирянам — иноки», — говорится в Писании.

Светочем русской святости является, несомненно, преподобный Сергей Радонежский. Знаменательно, что в минувшем году Россия отметила 300-летие со дня рождения святого. Попробуем на примере его судьбы проследить путь «русской души», зовущей отказаться от всего мирского, грешного, бренного.

Родился Варфоломей (в будущем преподобный Сергей) в Ростове в семье боярина Кирилла. Надо полагать, что благосостояние семьи не вызывает сомнений (ср. с другими монахами, ведущими свое происхождение из богатых знатных семей). Но, как справедливо отмечает исследователь жизни преподобного Сергия: «В этом общественном слое обеспеченность жизни позволяла подняться над повседневной отупляющей борьбой за существование, за “хлеб насущный” и устремиться на поиски высших духовных ценностей» [1, с. 37]. Кстати сказать, Кирилл, бывший учеником Сергия Радонежского и основателем Кирилло-Белозерского монастыря, также принадлежал к знатному боярскому роду Вельяминовых, был весьма образован, из-под его пера вышел ряд литературных произведений.

Однако после расправы, устроенной в Ростове, сперва татарской ратью, затем и московскими князьями, семья Варфоломея вынуждена переселиться в отдаленное необжитое село Радонежское (или Радонеж). Там им пришлось обустроиваться заново, жить в землянке, заниматься землей, хозяйством, борничеством. Навыки обзаведения хозяйством на новом месте получает Варфоломей именно здесь, в Радонежском. Однако страдания семьи, боязнь перед татарскими набегами и неспра-

ведливой волей московской знати не могли не оставить тяжелого отпечатка в душе отрока. Не менее важным фактором, повлиявшим на решение Варфоломея уйти от мирской жизни, было горе в семье: жена его старшего брата Стефана умерла, и от безутешности тот ушел в монастырь, оставив двоих детей. Семейная трагедия, вероятно, утвердила Варфоломея в мысли о тленности и недолговечности земного благополучия. После смерти родителей, выждав положенный траур в 40 дней, Варфоломей отдал свою часть наследства младшему брату Петру и в 23 года вступил на путь духовной свободы. Дальнейший путь преподобного Сергия, по образному выражению Н. К. Рериха: «...как от малого самодельного сруба произрастали светлые средоточия просвещения» [8, с. 36], — широко известен.

Одной из главных его заслуг считается реформа монашеской жизни, провозглашенная митрополитом Алексием и претворяемая в жизнь самим Сергием. «Общее житие», правила которого распространялись преп. Сергием, стали новой для того времени формой монашества на Руси. В Древней Руси бытовало два вида монашеской жизни: особое (или отходное) житие и общежитие. Причем особое житие, как правило, предшествовало общему, так сказать, готовило мирянина к иноческой жизни. Было на Руси и такое явление, как «мирской» монастырь, куда уходили люди от мирских забот, спокойно встречать старость. Такое представление о монастыре лишено глубокого христианского понимания об отшельничестве, ему чужд духовный подвиг. Однако XIV в. становится знаковым, ибо в это время зарождается стараниями подвижников новое понимание аскетического идеала. В XIV–XV вв. монастыри распространяются на новых территориях, зачастую далеко от крупных городов, в глухих, малоосвоенных районах, что наполняет монашество новым особым смыслом, возвращая его на исконный путь пустынного служения Богу. Ибо генезис общественных институтов неизменен, повторяем и прогнозируем независимо от времени и условий их существования. Рожденный и воспитанный городом человек непременно воссоздает заложенную в нем модель развития, проецируя ее даже на то место, где не ступала нога человека. Там он начинает повторять знакомые ему формы культуры, налаживать привычную систему взаимоотношений. На наш взгляд, монастырь и внешне и внутренне зеркально отображает город. Его можно считать воссозданием модели города, только «града небесного», непорочного. Образно говоря, монахи, покидая град «грешный», были ведомы стремлением создать свой град — «праведный», свободный от греха и порока.

Возвращаясь к реформе «общежития», проведенной по приблизительным подсчетам между 1364–1376 гг. [4, с. 60], следует отметить, что суть ее сводилась к ужесточению дисциплины в монастырях, беспрекословному почитанию игумена, труду, послушанию, нестяжанию, почитанию властей в молитвах (что, вероятно, послужило одной из причин содействия великих князей благим начинаниям преп. Сергия в распространении этих правил). Предписывалось также общее владение монастырским имуществом, общая трапеза, однообразие и скромность в одежде, были введены наказания для иноков. Подобные ужесточения, что вполне очевидно, не были приняты в большинстве «мирских» монастырей, зато активно насаждались в новых. Что вполне подтверждает тот факт, что куда бы человек ни пришел, как бы он ни хотел отстраниться от мирской суеты и порядков, они сами неизбежно сопровождают его, как бы напоминая ему об его социальной природе. И сам преп. Сергий, желая пойти по сложному пути «особного» жития на Маковце на лоне природы, привлек своим духовным подвигом других иноков, которые стали селиться с ним рядом, так возник и разросся монастырь, в котором Сергий стал игуменом.

Таким образом, пойдя по сложному пути отречения от всего мирского, от людей, он вновь был втянут в неизбежный водоворот мирских дел, человеческих судеб и судьбы самого государства. Ибо известно, что на протяжении всей жизни преп. Сергия не раз привлекали к политическим делам: дипломатическим миссиям (в

1385 г. по просьбе вел. кн. Дмитрия ездил в Рязань для «усмирения» князя Олега и способствовал заключению мира с Москвой), к участию в основании, управлении монастырями, а также к участию в личной жизни князей (как духовника, как крестителя и пр.). На смертном одре Дмитрия Донского он засвидетельствовал наследование Владимирского княжества московскими князьями, после этого завещания Русь твердо встала на путь единой державы.

«Град покинутый» сам тяготел к его святости как при жизни преп. Сергия, так после его преставления. «Весть о его преставлении привлекла в обитель множество народа не только из окрестных селений, но и из ближайших городов; каждому хотелось приблизиться и прикоснуться если не к самому телу Богоносного старца, то, по крайней мере, ко гробу его, или же взять себе на память и на благословение что-нибудь из его одежды и келейных вещей. Тут были и князья, и бояре, и почтенные старцы-игумены и честные иереи столицы, и множество иноков...» [2, с. 211].

Отец Сергий, его ученики и последователи основали более половины всех монастырей XIV–XV вв., а на Севере возникла даже целая монашеская область, названная впоследствии «Русской Фиваидой» (по выражению А. Н. Муравьева).

После успения преп. Сергия Радонежского и на протяжении всей своей истории Троице-Сергиев монастырь был очень тесно связан с судьбой великокняжеской семьи: члены династии приезжали сюда на праздники как минимум три раза в год (на Троицу, на обретение мощей преп. Сергия — 5 июля, день памяти преп. Сергия — 25 сентября), в 1440 г. здесь крестили будущего Ивана III, при Иване IV монастырю отстроили каменную стену, Успенский собор, для игумена был введен сан архимандрита и первенство среди игуменов остальных монастырей. Кстати сказать, до сих пор архимандритом Троице-Сергиевой Лавры является сам митрополит Московский и Всея Руси.

Окидывая взглядом судьбы «град покинувших», мы не имеем полной уверенности в подлинности и точности источников, о них повествующих, принимаем во внимание и каноничность повествования, мифологизирующую порой важные детали жития святых. Далеко не все имена отшельников известны, судьбы многих, возможно, печальны. Не исключаем также возможности, что многие из подвижников не вернулись в «град покинутый». А если возвращались, то движимые какими стремлениями: одни — не найдя покоя души в одиночестве, во имя служения ближнему согласно христианской заповеди, другие — разочарованные в поставленной цели и ожиданиях, третьи — не выдержав тягот отшельнического бытия (как, например, брат преп. Сергия Петр). И только первые из упомянутых попали в анналы религиозной истории как образцы иноческого смирения и терпения.

Так в чем же смысл ухода от мирских дел, от «грешного» города и сел его Сергия Радонежского и других русских подвижников, раз они все равно были ему всю жизнь сопричастны? Уйти, чтобы вернуться в «мир» чистым сердцем и помыслами, крепким духом и телом, осененным Божией мудростью, чтобы стать духовным ориентиром, путевой звездой святости и благочестия для многих поколений русского народа.

Литература

1. Борисов Н. С. Сергий Радонежский. М. : Молодая гвардия, 2006.
2. Житие и подвиги преподобного Сергия Радонежского / сост. иеромонахом Никоном. Издание Свято-Троице-Сергиевой Лавры, 1904.
3. Житие Феодосия Печерского // Повести Древней Руси XI—XII века. Л. : Лениздат, 1983.
4. Клосс Б. М. Монашество в эпоху образования централизованного государства // Монашество и монастыри в России XI—XX века. М. : Наука, 2002.

5. Максим Грек. Послание о фортуне // Литература Древней Руси : хрестоматия / сост. Л. А. Дмитриев ; под ред. Д. С. Лихачева. СПб. : Академический проект, 1997.
6. Повесть о житии Александра Невского // Литература Древней Руси : хрестоматия / сост. Л. А. Дмитриев; под ред. Д. С. Лихачева. СПб. : Академический проект, 1997.
7. Послания Ивана Грозного // Литература Древней Руси : хрестоматия / сост. Л. А. Дмитриев; под ред. Д. С. Лихачева. СПб. : Академический проект, 1997.
8. Рерих Н. К. Россия. М. : Международный центр Рерихов, 1992.
9. Трубецкой Е. Смысл жизни. Париж : LEV, 1979.

References

1. Borisov N. S. *Sergius of Radonezh* [Sergij Radonezhskij] M. : Molodaya Gvardiya, 2006. (rus)
2. *The life and deeds of St. Sergius of Radonezh* [Zhitie i podvigi prepodobnogo Sergija Radonezhskogo] / comp. hieromonk Nikon. The Publication of Holy Trinity-St. Sergius Lavra [Izdanie Svjato-Troice-Sergievj Lavry], 1904. (rus)
3. *The Life of Theodosius of the Caves* [Zhitie Feodosija Pecherskogo] // Tale of Old Russia. XI—XII century [Povesti Drevnej Rusi. XI—XII veka]. L. : Lenizdat, 1983. (rus)
4. Kloss B. M. *Monasticism in the epoch of formation of a centralized state* [Monashestvo v jepohu obrazovanija centralizovannogo gosudarstva] // Monasticism and monasteries in Russia. XI-twentieth century. [Monashestvo i monastyri v Rossii XI —XX veka]. M. : Nauka, 2002. (rus)
5. *Maxim the Greek. Message about Fortuna* [Maksim Grek Poslanie o fortune] // Literature of Ancient Russia : a reader [Literatura Drevnej Rusi: Hrestomatija] / ed. L. A. Dmitriev ; ed. by D. S. Likhachev. SPb. : Academic project [Akademicheskij proekt], 1997. (rus)
6. *The story of the life of Alexander Nevsky* [Povest' o zhitii Aleksandra Nevskogo] // Literature of Ancient Russia : a reader [Literatura Drevnej Rusi: Hrestomatija] / ed. L. A. Dmitriev ; ed. by D. S. Likhachev. SPb. : Academic project [Akademicheskij proekt], 1997. (rus)
7. *The Message of Ivan the Terrible* [Poslanija Ivana Groznogo] // Literature of Ancient Russia : a reader [Literatura Drevnej Rusi: Hrestomatija] / ed. L. A. Dmitriev ; ed. by D. S. Likhachev. SPb. : Academic project [Akademicheskij proekt], 1997. (rus)
8. Roerich N. K. *Russia*. [Rossija] M. : International centre of the Roerichs, [Mezhdunarodnyj centr Rerihov], 1992. (rus)
9. Trubetskoy E. *The Meaning of life* [Smysl zhizni]. Paris : LEV, 1979. (rus)